

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 22 по 24 октября 1959 г. в Кракове состоялась международная ономастическая конференция, организованная Славянским комитетом ПАН. Научная программа и подготовка конференции была выполнена специальной комиссией под председательством проф. В. Ташицкого и при сотрудничестве секретаря Славянского комитета проф. П. Зволинского (члены комиссии: проф. С. Роспюнд, проф. С. Храбец, доц. М. Карась и А. Сюдут). Цель конференции состояла в том, чтобы выяснить состояние и результаты научных исследований в области славянской ономастики и определить топонимическую и ономастическую проблематику для подготовки к V Международному съезду славистов, который состоится в 1963 г. в Софии. В последнем отношении конференция являлась осуществлением решений IV Международного съезда славистов в Москве, где особо обращалось внимание на необходимость четкой организации славянских ономастических исследований. Это обстоятельство определило международный характер конференции. В ней приняли участие многочисленные польские ономасты, а также следующие иностранные ученые: из Болгарии — В. Георгиев, И. Дуриданов, Й. Запов, из Чехословакии — В. Шмиллауэр, Я. Свобода, из Югославии — Ф. Безлай, Б. Финка, из ГДР — Р. Фишер, Е. Эйхлер, из СССР — К. К. Целуйко.

На конференции были поставлены следующие доклады: проф. В. Георгиев «Современное состояние ономастических исследований в Болгарии», проф. В. Шмиллауэр «Состояние ономастических исследований в Чехословакии», доц. Б. Финка «О состоянии и перспективах развития сербскохорватской ономастики», проф. Р. Фишер «Достижения ономастики в ГДР», доц. К. К. Целуйко «Основные направления и перспективы развития украинской топонимстики», проф. Ф. Безлай «О проблемах словенской ономастики», проф. Я. Отрембский «Об исследованиях водных и местных названий на территории Литвы», проф. С. Роспюнд «Состояние и перспективы польской ономастики», проф. С. Храбец «Карпатские географические названия», проф. П. Зволинский «Состояние и перспективы польской гидронимии». В названных обзорных докладах были также определены проблемы, требующие новых исследований и дальнейшего изучения. Кроме общих докладов-отчетов, были представлены доклады и по более частным, конкретным проблемам, а именно: проф. В. Ташицкий «Польские комеморативные названия», доц. И. Дуриданов «Принципы и методы ономастических исследований в полевых условиях», доц. Я. Свобода «Проект нормализации славянской ономастической терминологии», проф. В. Шмиллауэр «Хронология личных и локальных суф-

фиксов в чешских топонимах», проф. С. Урбанчик «К вопросу о хронологии топонимических наименований», доц. Р. Смочиньский «О морфологическом словообразовании в славянской ономастике», доц. Б. Финка «Диалектологические проблемы в топонимике северного задарского района», Й. Заимов «Классификация болгарских гидронимов», доц. М. Карась «Польская терминология названий частей деревни», А. Сюдут «Славянские названия улиц», проф. Л. Заброцкий «Структурные прусско-польско-немецкие транспозиции в области топографических наименований на территории Мазовецкого Поморья», проф. Т. Милевский «Генезис славянских сложных имен».

В течение трех дней на конференции было заслушано 22 доклада, которые вызвали живой интерес собравшихся и послужили основой для широкой дискуссии. В обсуждении приняло участие 40 человек. И общие и конкретные доклады касались центральных проблем ономастики, в связи с чем научные достижения конференции следует признать весьма значительными, что и отмечали многие участники дискуссии; таким образом, конференция станет важным этапом в подготовке к V съезду славистов. Кроме чисто научных, конференция разрешила и ряд других вопросов — во время конференции состоялись два организационных собрания, в которых участвовали делегаты представленных на конференции стран, а именно: от Болгарии — В. Георгиев и И. Дуриданов, от Чехословакии — В. Шмиллауэр и Я. Свобода, от Югославии — Ф. Безлай и Б. Финка, от ГДР — Р. Фишер, от СССР — К. К. Целуйко и от Польши — В. Ташицкий, С. Роспюнд, П. Зволинский и в качестве секретарей — А. Сюдут и М. Карась. В ходе заседаний по предложению В. Георгиева была выбрана ономастическая секция V съезда славистов в следующем составе: председатель — В. Ташицкий, секретарь — М. Карась, представители — И. Дуриданов, В. Шмиллауэр, Ф. Безлай, Р. Фишер, К. К. Целуйко, С. Роспюнд. Вопрос о не представленных здесь странах будет решен при дальнейшей подготовке к V съезду. Было принято решение уведомить о создании ономастической секции и о начале подготовительных работ национальные (славянские) комитеты, а также просить их образовать при комитетах свои ономастические секции.

Согласно проекту В. Георгиева, была создана группа для подготовительной работы над славянским топонимическим атласом. Председатель ее — В. Шмиллауэр, члены — Ф. Безлай, К. К. Целуйко, И. Дуриданов, Р. Фишер и С. Роспюнд. Предварительный проект атласа будет подготовлен к сентябрю 1960 г.

На основании доклада Я. Свободы было принято решение предложить подготовку

словаря славянской ономастической терминологии Я. Свободе; национальные комитеты каждой страны выделяют для подготовки необходимых сведений специальных докладчиков.

Много внимания было уделено проблеме гидронимии. Важным шагом в этой области стало решение продолжать и в будущем во всех славянских странах сбор гидронимических материалов и передавать эти данные П. Зволинскому. Кроме того, был выдвинут проект о собирании местных и территориальных названий, а также синонимов номенклатурных географических терминов.

На конференции был поставлен вопрос об ономастической проблематике к V съезду славистов в Софии. Участники данного собрания и другие ономасты должны переслать предполагаемые вопросы по ономастике В. Ташицкому до конца сентября 1960 г. В конце 1960 г. список вопросов будет окончательно отредактирован. В качестве примера польские ономасты выдвинули следующие проблемы, требующие самого внимательного рассмотрения: границы топонимии и ономастики; отношение *nomina appellativa* к *nomina propria*; принципы классификации собственных имен; место ономастики как научной дисциплины; значение ономастики для исторической и описательной диалектологии; разноязычные пласты в ономастике. Окончательная редакция проблематики будет осуществлена дополнительно.

В. Георгиев предполагает в сентябре 1960 г. провести в Софии собрание председателей секций с целью обсуждения состояния подготовительной работы. Предусматривается организация научных, подобных краковской, конференций в других славянских странах (ближайшая в 1961 г.; место ее будет установлено позднее).

Подводя итоги, можно сказать, что краковская ономастическая конференция как с научной стороны, так и со стороны организационной является важным событием в развитии славянской ономастики. Широкое участие зарубежных делегатов, большой интерес польских ученых, значительное число докладов и оживленное их обсуждение — все это свидетельствует о том, что по мере дальнейшего развития ономастики возрастает и значение этой области знания для языковедения и истории. Принятые конференцией организационные решения позволяют координировать изучение славянских имен и названий и обеспечить надлежащую подготовку ономастической проблематики к V съезду славистов в Софии.

М. Карась
(Краков)

Перевод с польского

ванной в издательстве АПН РСФСР в 1958 г. под названием «Механизмы речи». Эта книга подводит итог многолетним исследованиям автора, сделавшим его имя известным как у нас, так и за рубежом, и притом не только среди психологов, но и среди физиологов, акустиков и лингвистов. Такой известностью он обязан, с одной стороны, примененной им методике исследования, с другой — теоретической и практической значимости своих работ. Часть книги составляет «Альбом рентгенограмм», содержащий 99 таблиц приблизительно с тысячей рентгенограмм. Систематическое и разностороннее применение рентгенографии речевого аппарата является одним из основных методических приемов Н. И. Жинкина, которое позволило ему решить ряд научных вопросов, относящихся к работе этого аппарата.

*

Можно сказать, что диссертация Н. И. Жинкина является значительным событием в области современной фонетики. Широко привлекая современную технику, он разработал интересную и оригинальную методику и получил результаты, которые явились основой для нового и вместе с тем достаточно убедительного решения такого сложного вопроса, как вопрос о природе слога, отчасти также вопросов о внутренней речи, об особенностях развития речи у детей, о природе би- и полилингвизма (имеющего первостепенное значение для изучения иностранных языков, устного перевода и др.), не говоря уже о некоторых важных вопросах патологии речи. Современная техника позволяет измерить едва заметные на слух слоговые толчки в звуковом составе слова, разложить гласные на составляющие гармоники, точно измерить длительность элементов в отрезке речи, документировать на пленке движение языка, глотки, диафрагмы и даже перистальтику бронхальных веточек в процессе речевой фонации. Поэтому недоступное для психологии и фонетики раньше, теперь, подготовленное в разных смежных областях, становится не только достижимым, но и необходимым.

Безусловно новой, очень интересной и продуктивной является постановка вопроса о природе органов речи. Сущность этой новой постановки состоит в следующем: под органами речи обычно понимают такие органы, как язык, губы, небная занавеска и т. п. Обычно в литературе не отмечается, что органам, связанным с механизмом речи, являются также реберные мышцы, бронхи, диафрагма, брюшной пресс. Указать на этот важнейший факт — не значит просто увеличить номенклатуру органов речи, удлинить их список.

В основе традиционного учения об органах речи лежит представление о том, что можно изучать их работу, не ставя вопроса об управлении. И только теперь, когда на помощь языковедению из области смежной дисциплины пришло понятие о «речедвигательном анализаторе», стала очевидно

30 ноября 1959 г. на заседании Ученого совета Института психологии МГУ состоялась защита Н. И. Ж и н к и н ы м диссертации, монографически опублико-

известная ограниченность старых представлений, стало ясно, что изучать органы речи надо так, чтобы в конечном счете был раскрыт полностью механизм речедвигательного анализатора. Было выдвинуто и третье понятие — понятие «речевого эффектора», получившее новый смысл в новом контексте. Важность этого понятия станет особенно очевидной, если представить, что под речевыми эффекторами понимается не усложненный синоним для термина «органы речи», т. е. не простые исполнители движений, заданных из «центрального управления», а одновременно и в такой же мере участники формирования аналитико-синтетической системы или часть анализатора, позволяющая не только проследить конец процесса, но и его формирование.

Представляется ясным, что уже объединение усилий лингвистов и психологов дает качественно новые результаты. Но для подлинного проникновения в природу речевого эффектора и законов его функционирования недостаточно объединения усилий только лингвистов, психологов и физиологов. Стремительное развитие точных физико-математических наук начинает все больше и больше оказывать влияние на рассмотрение речевого процесса как своеобразного живого механизма. Этому в значительной мере способствуют успехи теории и практики в области исследования линий связи, техники звукопередачи и автоматизации вычислительных операций. На основе этих значительных достижений в области смежных наук становится не только возможным, но и необходимым несколько иной подход к вопросу об авторегулировании в системе основных звеньев речевого механизма. Речевые кинестезии рассматриваются теперь как обратная связь, по которой центральное управление осведомляется, что выполнено из тех приказов, которые посланы на исполнение.

Как уже было сказано выше, ограничение органов речи «видимыми» органами приводило к ложному представлению о возможности изучать их работу не ставя вопроса об управлении. Иногда считалось, что достаточно знать, в каком положении находится язык, когда производится тот или другой звук, для того чтобы обеспечить выполнение важнейшей и распространяющейся практической задачи — обучения языкам и исправления неправильностей произношения. Это совершенно неправильное понимание основывалось на убеждении, что все движения органов речи являются произвольными, что если определены положения языка и других активных органов речи при произнесении того или другого звука, то практически достаточно поместить язык в соответствующее положение для того, чтобы обеспечить возникновение требуемого звука.

Это примитивное представление о природе речевого механизма постоянно опровергается тем непомерным количеством времени и усилий, которые обычно за-

трачиваются на овладение произношением иностранного языка, хотя количество усваиваемых фонем не превышает обычно 30—40. Заслугой Н. И. Жинкина явилось раскрытие ошибочности концепции, сводящей дело к описанию положений «активных органов речи». Подлинная речевая дифференциация звуков должна происходить не только в ротовом, но и в глоточном резонаторе. Поведение глоточной трубки — вот проблема, на которую до сих пор не было обращено должного внимания при обучении иностранному языку. При обучении иностранному языку показом ртовой артикуляции можно добиться лишь самых общих дифференцировок.

Из сказанного очевидно, какое значение имеют для решения проблемы обучения произношению на иностранном языке выработанные Н. И. Жинкиным методы исследования произвольного не управляемых движений. Теперь совершенно ясно, как важны современные междисциплинарные исследования для решения вопроса о наиболее рациональных и эффективных способах осуществления дифференцировки произвольного не управляемых речевых движений — вопроса, который принципиально не может быть разрешен традиционными приемами, сводящимися в лучшем и наиболее полном виде своем к объяснению системы фонем иностранного языка, рисункам и муляжам органов речи и разъяснению деталей устройства речедвигательного анализатора.

*

Очевидна огромная важность проблемы отбора речевых звуков, которая числится на: 1) отбор звуков для составления слов (или, что то же, отбор речевых движений для составления двигательного стереотипа слова) и 2) отбор слов для составления сообщения. Иными словами, отбор звуков и отбор соответствующих им речевых движений позволяют различать слова и сформировать словарь, который не играет сам по себе самостоятельной роли, а является лишь фондом, откуда черпаются слова для составления сообщений.

Поскольку прием звуков производится слуховым, а не речедвигательным анализатором, отбор речевых движений для производства звуков, входящих в словесный звуковой комплекс, происходит в процессе специальной выучки, формирующей словарь, который приобретает через слуховой анализатор, но складывается в двигательном и им же воспроизводится. Выучка эта состоит в составлении устойчивого стереотипа (подпрограммы) речевых движений, на которые распадается запущенное по одному импульсу слово. В процессе выучки при взаимодействии прямой и обратной связи от мышечных речевых синергий составляется точная схема последовательности возбуждающих и тормозных процессов на все речевые движения, необходимые для воспроизводства статичности и динамики данного слова. Все эти положения получают точную проверку в произведенных Н. И. Жин-

киным обширных и тонких исследований. При помощи кинопентгено съемки надставной трубки Н. И. Жинкина удалось проследить не только последовательное разворачивание стереотипа, но и обратное явление — резкое торможение речевых эффектов в том случае, когда подлежащее произнесению слово попадает в зону торможения.

Одной из сложнейших проблем фонетики, не решенной до сих пор, несмотря на огромное количество работ, ей посвященных, является проблема слога. В наиболее общем своем виде она может быть представлена следующим образом: функционируя в качестве «звуковой стороны языка», т. е. служа для различения звуковых оболочек слов и морфем, фонемы фактически не воспроизводятся в виде отдельных изолированных звуков, а сцепляются друг с другом, образуя определенные последовательности или объединения. Моделью такого объединения является слог, основным принципом построения которого обычно считают противопоставление отдельных его частей друг другу.

Вопрос о природе слога получает интересное и весьма плодотворное объяснение в предложенной Н. И. Жинкиным концепции глоточного слогообразования. Следует подчеркнуть, что предложенное им решение аргументировано настолько тщательно и основано на таком богатом экспериментальном материале, что, какими бы ни были возражения по отдельным ее деталям, в целом она не может не вызвать самого серьезного внимания. Как показал Н. И. Жинкин, слог — это единственная речевая произносительная единица, формирующаяся на выходе речевых эффекторов. Слогообразование и слогоотделение составляют динамическую систему речи. Отторжение произнесенного элемента и упреждение подлежащего произнесению (т. е. удержание и упреждение) были бы невозможны, если бы возбуждающие и тормозные процессы не регулировались слогоотделением, которое выступает, таким образом, как важнейший фактор механизма речи. Слог — это место встречи акустического и фонетического рядов: он не принадлежит ни к одному из них и не получил поэтому ни в одной из этих наук в отдельности удовлетворительного объяснения. Следует согласиться в основных чертах и с тем объяснением, которое Н. И. Жинкин дает неудовлетворительному состоянию науки о слоге в современной фонетике. Причина в том, что современная фонетика, оставаясь по преимуществу статической, способна лишь показать (и то без необходимой полноты), где и каким образом образуются звуки, но она оказывается неспособной показать, как звуки сливаются в динамическое образование — в слог и слова, — вследствие чего основная произносительная единица (слоги) выпадает из поля ее наблюдения. Не может служить основой для изучения вопроса о природе слога и статическая рентгенография, данные которой в лучшем случае дают лишь общую описательную классификацию форм

полости рта и глотки. И только кадры кинопентгено съемки документируют образование слогового кванта, регистрируемого в акустических записях как дуга громкости. Из этих кадров видно, что слоговая дуга громкости образуется в результате модуляции глоточной трубки при постепенном сужении которой возникает нарастающая громкости (в момент максимального сужения дуга образует вершину), тогда как при постепенном расширении трубки появляется ветвь падения громкости. На основании этого на первый взгляд крайне простого наблюдения создается прочная база для построения общей теории слога и для проникновения, наконец, в природу более сложных случаев слогообразования.

Итак, слог оказывается не только основной, но и предельной, т. е. далее не делимой произносительной единицей. Тогда термин «фонема» приобретает уже принципиально новое содержание как один из элементов слога, как «неполный» речевой звук. Физически — неполный звук — это та часть спектра, которая соответствует набору формантных признаков (т. е. составляющих спектра, которые конструктивны для неполного речевого звука). Остаток спектра, получающийся после вычитания из полного звука формант, выполняет сложные и многообразные функции, связанные с более «высокими» ярусами чтения речи.

Официальный оппонент доктор пед. наук проф. В. А. Артемов, давая самую высокую оценку работе Н. И. Жинкина, обратил внимание на то исключительное значение, которое его исследования будут иметь для развития новых направлений в изучении речи.

В наше время речь служит одной из центральных проблем комплексного ее изучения представителями ряда самых разнообразных наук: математики, физики, биофизики, биологии, физиологии, психологии, логики, математической логики, языкознания, теории информации, теории коммуникации, кибернетики, техники связи, искусствоведения, театроведения, антропологии, дефектологии, медицины, педагогики, полиграфии, теории рекламы, теории ораторского искусства, статистики, статистической механики, теории перевода (обычного, устного и машинного), электро моделирования и, наконец, некоторых других.

Всем этим в значительной мере и объясняется тот факт, что в наши дни речь стала одной из центральных проблем современной науки, а также кибернетики и техники связи.

Официальный оппонент действ. член АПН РСФСР проф. Б. Г. Ананьев в охарактеризовал работу Н. И. Жинкина как серьезный научный труд, содержащий ряд открытий, новые идеи и принципы, обогатившие не только психологию, но и все науки, составляющие единый комплекс наук о языке и речи. Советская психологическая наука может радоваться такому труду, который стал возможным благодаря ее успехам на основе марксистско-ленинской философии и павловского уче-

ния. Он указал на то, что после этого труда более ясна необходимость комплексного изучения всех звеньев механизма речи. Чыне открывается возможность специального изучения мозгового конца речедвигательного анализатора и его места во всей второй сигнальной системе. Следует напомнить, что наука пока не располагает гочными данными о соотношении ядерных и рассеянных клеток мозгового конца речедвигательного анализатора в левом и правом полушариях головного мозга.

Н. И. Жинкин лишь в самой общей форме говорил о корковом произвольном управлении всего саморегулирующегося механизма речи. Однако именно в отношении коры проблема «речевых центров» и рассеянных клеток в обоих полушариях до сих пор не решена. Новые данные клинической патологии речи при мозговых данных и электрофизиологии коры заставляют усомниться в том, что только одно из полушарий является «говорящим», а другое — «немым». Разумеется, что уточнение знаний о субстрате коркового управления речью весьма важно для завершения научных знаний о механизме речи.

Теперь, после внимательного изучения Н. И. Жинкиным природы «базального компонента» механизма речи, открываются реальные пути к познанию собственно мозговых механизмов, и особенно — комплексный путь объективного изучения деятельности этих механизмов.

Ученый совет Института психологии МГУ единогласно присудил Н. И. Жинкину ученую степень доктора педагогических наук (по психологии).

О. С. Азимова
(Москва)

С 30 ноября по 2 декабря 1959 в Киеве проходило Первое республиканское топонимическое совещание, организованное Институтом языковедения АН УССР. На совещании присутствовали топонимисты Украины, РСФСР, Латвии, Литвы, Белоруссии.

В течение трех дней было заслушано и обсуждено более 20 докладов. О задачах топонимистов Украины на ближайшие годы говорил в своем докладе К. К. Целуйко (Киев). Они включают в себя: создание программы для сбора материала, создание топонимических словарей, подготовку топонимического атласа Украины, а также специальное изучение гидронимов Украины, организацию совещания по гидронимике и др. В связи с докладом на совещании было решено в порядке подготовки к V Международному съезду славистов в первую очередь принять участие в разработке славянского топонимического атласа, топонимической терминологии и в вопросах по топонимике. Доклад А. И. Попова (Ленинград) был посвящен значению топонимики для исторических исследований. А. И. Попов считает необходимым создание критического обзора существующей топонимической литературы, а также разработку методологии исследования топонимических материалов во из-

бежание многих ошибок, допускаемых топонимистами. Отдельные примеры использования данных топонимики для изучения истории края были приведены в докладе Н. П. Милонова (Рязань). Значение местных терминов в образовании географических названий послужило для Э. М. Мурзеева (Москва) темой доклада, построенного на богатом фактическом материале. Докладчик указал на необходимость учета географической среды при исследовании топонимов, на значение наблюдений над миграцией отдельных терминов, на вопрос о переходе части географических терминов в категорию имени собственного географического.

Ряд докладов был посвящен исследованию топонимии отдельных районов Украины, преимущественно западных: Львовщины — доклад Е. М. Посацкой-Черняховской (Львов), Буковины — доклады В. С. Липмаренко (Черновцы) и Н. Ф. Станевского (Черновцы), Северной Дрогобычщины — доклад П. Ф. Шило (Львов) и др. Об исследовании топонимии в связи с изучением говоров и этнографии было сообщено в докладах В. В. Немчук (Киев) и Н. В. Подольской (Москва). Были прочитаны доклады, посвященные исследованию личных имен. В. П. Петровым (Киев) и И. Д. Сухомлиным (Днепропетровск). Особенно интересен был по своей методологии доклад В. П. Петрова, построенный на материале памятников эпиграфики Северного Причерноморья. На совещании рассматривались вопросы и прикладной области топонимии: передача географических названий средствами другого языка — доклады Г. П. Бондарук (Москва) и И. П. Суцовой (Киев), — а также практические и весьма актуальные вопросы наименования новых поселений и переименования старых.

Участниками совещания была заслушана информация о специальной подготовке кадров по ономастике во Львове и в Черновцах, где для студентов организованы просеминарии по этой отрасли науки. Было предложено также подготовить и лекционный курс по ономастике.

Институтом языковедения АН УССР была подготовлена и роздана для обсуждения получившая затем одобрение участников совещания «Краткая программа сбора материалов для изучения топонимии Украины». Работники Центрального государственного исторического архива издали «Указатель населенных пунктов» к памятнику социально-экономической истории Украины «Генеральный опис Ливобережной Украины 1765—1769 pp.». О принципах его составления было доложено на совещании Л. А. Поповой (Киев).

На заключительном заседании были подведены итоги совещания и намечены планы дальнейшей работы. Совещание приняло также решение ходатайствовать перед Президиумом АН УССР об учреждении постоянного республиканского комитета по топонимике и ономастике и о со-

здании соответствующего специального отдела при Институте языковедения АН УССР.

Н. В. Подольская
(Москва)

1—4 декабря 1959 г. в Москве состоялся симпозиум по методам спектрального анализа звуков речи, созванный секцией речи Комиссии по акустике АН СССР и Лабораторией экспериментальной фонетики и психологии речи 1-го МГПИИЯ (сокращенно ЛЭФПР). Задача симпозиума, как отметил во вступительном слове В. А. Артемов (Москва), состояла в обсуждении следующих вопросов: 1) о фонологических моделях, соответствующих данным спектрального анализа; 2) о связи акустических характеристик звуков речи с их фонологическими (различительными) признаками; 3) о специальных методах спектрального анализа.

По первому вопросу с докладом «О приемлемости фонологических моделей» выступил Вяч. В. Иванов (Москва), который указал на то, что в фонологическую теорию должны быть внесены существенные изменения, обусловленные, в частности, практическими потребностями. «Имеет смысл оперировать только конструктивными лингвистическими объектами... О фонеме, например, имеет смысл говорить только, если могут быть указаны правила порождения фонем и выделения их в речи. Поэтому точка зрения разумно мыслящего лингвиста практически должна совпасть с точкой зрения техника, конструирующего устройство для автоматического анализа или синтеза звуков речи. Более того, только успешная работа такого устройства может оказаться окончательным критерием, позволяющим проверить правильность той или иной фонологической модели».

Далее докладчик рассмотрел фонологические модели, различные с точки зрения выделяемых единиц. Наиболее удобной моделью он считает модель, в основу которой положено понятие дифференциального признака. По отношению к целому ряду практических и теоретических задач фонему можно понимать просто как сокращенное обозначение определенного множества дифференциальных признаков. Докладчик считает, что наиболее известные фонологические модели, в которых в качестве основного понятия берется фонема, менее удобны, если ставится задача соотнесения фонологической модели с данными спектрального анализа. Кроме того, в некоторых фонологических концепциях «фонематический анализ предполагал уже пропозитивным разбиение речи на дискретные звуки, что, по существу, равносильно принятию фонематического анализа как наперед заданного». Наконец, докладчик указал на необходимость рассмотрения моделей, основной единицей которых является морфема или слово, так как именно такие

модели лучше всего объясняют проблемы звукового восприятия.

А. А. Реформатский (Москва) заявил, что докладчик «зачеркнул» все достижения традиционной фонологии и, в частности, фонему. «Утверждать, что фонема — это фикция, удобная рабочая гипотеза, — значит вступить на путь прагматизма. Однако практические цели не могут снять онтологическую проблематику». А. А. Реформатский настаивал на том, что «фонемы являются реальностью в структуре языка и центральным понятием фонологии. Входя в ряд вышестоящих единиц, фонемы далее не могут быть так же членимы. В этом смысле фонема — точка, определяемая как член той или иной оппозиции и характеризуемая в первую очередь дифференциальными признаками, без игнорирования недифференциальных». А. А. Реформатский считает, что для структурно-фонологического анализа спектральный анализ может дать и дает совокупность некоторых предварительных данных, но вывить и определить фонемы по данным звукового континуума ни спектрограф, ни какая-либо иная машина не могут. В заключение А. А. Реформатский указал на ряд практических приложений фонологии, таких как: а) построение алфавита бесписьменных языков и реформа и рационализация существующих алфавитов, б) разработка принципов орфографии и транскрипции, в) обучение произношению, г) первичное описание бесписьменных языков и диалектов, д) диагностика психических расстройств и т. п.

О. А. Норк (Москва) в своем выступлении отметила, что «призыв Вяч. В. Иванова к акустикам не обращать внимания на лингвистические тонкости не представляется правомерным». Языкознание отнюдь не является чисто теоретической наукой, но, как всякая другая наука, имеет свои теоретические и практические задачи. О. А. Норк присоединилась в этом вопросе к мнению А. А. Реформатского, перечислив ряд практических проблем, решаемых на основе разработки глубоко теоретической проблемы фонемы. В частности, усиленная работа фонетистов над исследованием спектра звуков речи и интонации поможет решению проблемы устного ввода при машинном переводе.

П. С. Кузнецов (Москва) считает, что упрек традиционной фонологии в предвзятости необоснован: то понимание фонемы, которому следует московская фонологическая школа, оформилось при решении определенных практических задач. Понимание фонемы как звукового типа у Д. Джоунза, Л. В. Щербы и отчасти у Р. Якобсона также находят себе практическое применение — при исследовании передачи по каналам связи, при создании синтетической речи и т. п. Но при этом необходимо избавиться от непоследовательностей, которые есть у Щербы. Оба понимания фонемы необходимы как в теоретическом, так и в практическом пла-

не, но необходимо разграничить их терминологически. П. С. Кузнецов предпочел бы сохранить название фонемы за тем понятием, которое представлено в московской фонологической школе.

И. И. Ревзин (Москва) в докладе «Фонологическая модель и спектральный анализ» высказал мнение, что спектральный анализ, представляющий каждый звук речи в виде набора акустических признаков как единиц определенного кода, создает объективные предпосылки для создания дескриптивных фонологических моделей, т. е. таких моделей, в которых при определении основных единиц не используется критерий смысловоразличения. С точки зрения докладчика, на основе дистрибуции (распределения) можно провести различие между признаками релевантными, т. е. не связанными хотя бы в одной позиции («дифференциальными» признаки), и нерелевантными, т. е. связанными во всех позициях. Докладчик привел примеры двух фонологических моделей, первая из которых, по его мнению, формализует ситуацию, рассматриваемую в школе Щербы, а вторая — ситуацию, рассматриваемую в московской фонологической школе. Ревзин остановился на соотношении «смыслоразличительной» и «дистрибутивной» фонологии, высказав следующее утверждение: два звука речи, относясь к разным фонемам по смыслоразличительному критерию, будут разными фонемами с точки зрения дистрибуции, между тем как обратное неверно: два звука речи могут по дистрибуции быть отнесены к разным фонемам, составляя со смыслоразличительной точки зрения одну фонему (в качестве примера докладчик привел *ich-Laut* и *ach-Laut* в немецком языке, которые явно различаются как разные фонемы по критерию дистрибуции, но несут весьма слабую смыслоразличительную нагрузку, ибо противопоставлениями типа *pfauchen* и *das Pfauchen* можно пренебречь).

А. А. Реформатский подтверждает доклад И. И. Ревзина подробному критическому анализу и, в частности, отметил, что «дескриптивный метод, учитывающий встречаемость и распределение вычленившихся единиц, явно недостаточен для описания фонологической системы». А. А. Реформатский обратил внимание на важность «морфологической членности» данного высказывания при определении фонем и на существование особых «морфологических» позиций, что идет дальше морфологических границ¹. В частности, в паре примеров *das Pfauchen* «маленький павлин» и *pfauchen* «шипеть» важна именно морфологическая позиция. Вообще все рассуждение о возможности чем-то пренебречь сомнительно. «В каком смысле пренебречь? Для каких-то узко практических целей можно, но если речь идет о системе фонем данного языка как онтологической данности, то ничем пренебрегать нельзя, так как это будет фальсификацией действительности».

К этой точке зрения присоединилась О. А. Норк, которая подчеркнула, что рассмотрение языка в качестве системы предполагает рассмотрение как сильных, так и слабых противопоставлений. Это особенно необходимо в связи с устойчивостью фонологической системы языка и медленностью ее развития.

П. С. Кузнецов высказал сомнение в том, что систему фонем данного языка можно определить только на основе дистрибуции. Он привел конкретный пример, когда дистрибуция не дает надлежащих результатов. Предположим, в данном языке наблюдается колебание между *t* и *d* в одной и той же позиции (и в одних и тех же значимых единицах). На основании чистой дистрибуции будет установлено для данного языка наличие фонем *t* и *d*, но, опираясь на отношение смысловых единиц, можно свести *t* и *d* в этом языке к одной фонеме.

Р. Г. Пиотровский (Ленинград) в докладе «Фонология и спектральный анализ звуков речи» исходил из известной модели «акустического треугольника», излагая противопоставления между гласными в терминах пар дифференциальных признаков по Р. Якобсону, Д. Лотцу, Г. Фанту и М. Халле. Сравнивая данные этих авторов с результатами, полученными при синтезе речи, а также привлекая материал «современных региональных и жанровостилистических вариантов треугольника», автор, между прочим, приходит к выводу, что для получения «окопчатальной» изоморфной акустико-лингвистической параметризации французских неназализованных гласных признак «напряженность — ненапряженность» следует считать вспомогательным.

А. А. Реформатский указал на то, что подгонка таблицы французских гласных к форме треугольника произвольна и неубедительна. Это происходит из-за устранения оппозиции двух *a* (ср. *pâte — patte*), которая может быть как качественно-количественной, так и только количественной. По мнению А. А. Реформатского, сама «идея обязательности треугольника» противоречит действительному положению вещей (ср. хотя бы *Vierecksysteme*, установленные Трубенкием наряду с *Dreiecksysteme*). А. А. Реформатский считает, что разбивка полученного так треугольника на дихотомические биномы (по Якобсону), приводит только к разрушению системы и что еще более бесплодной оказалась такая операция, произведенная над русскими гласными, ибо в русском языке при разграничении фонемных зон основную артикуляционную роль играют губные уклады, акустический эквивалент которых и следует установить.

По мнению А. А. Реформатского, необходимо еще доказать применимость к другим фонологическим моделям признаков, перечисленных в работах Якобсона, Фанта, Халле и др.

С. К. Шаумян (Москва) в докладе «О семиотической природе дифференциальных элементов» подошел к понятию

¹ Ср. его «Фонологические заметки» (ВЯ, 1957, № 2).

дифференциального элемента с точки зрения теории абстракции, как она развивается в современной логике науки. По мнению докладчика, в фонологии необходимо различать две ступени абстракции: ступень наблюдения и ступень конструкторов (понятий о ненаблюдаемых объектах). Поэтому докладчик считает необходимым расщепить общепринятое в современной фонологии понятие дифференциального элемента на два соотносительных понятия: дифференсор и дифферентоид. Дифференсором С. К. Шаумян называет дифференциальный элемент, рассматриваемый как «абстрактный диакритический элемент, способный реализоваться в разных физических субстанциях: акустической, графической, цветовой, тактильной и т. п.». Дифферентоидом С. К. Шаумян называет акустический элемент, репрезентирующий тот или иной дифференсор. Таким образом, докладчик предлагает различать три понятия: акустическое свойство как чистое физическое понятие, дифферентоид как реляционно-физическое понятие и дифференсор как чистое реляционное понятие. Тождество на одном уровне абстракции может сопровождаться различием на другом уровне. Например, с точки зрения С. К. Шаумяна, рассмотрение системы исландских гласных на уровне реляционно-физических понятий приводит к мысли, что звук, реализующий одну и ту же фонему, может быть в одних позициях компактным, а в других диффузным.

А. А. Реформатский поддержал основную мысль С. К. Шаумяна о том, что фонологические явления можно и должно рассматривать на разных уровнях и тождество на одном уровне может не быть тождеством на другом, приведя соответствующий пример из севернорусских тверских говоров.

З. М. М у р ы г и н а (Москва) считает, что признак компактности /диффузности есть признак ингерентный, существенный лишь для фонетического уровня (или уровня дифференциальных признаков). На этом уровне дифференциальный признак определяется как выбор между двумя членами оппозиции. Она полагает, что этот уровень не имеет ничего общего с уровнем семантическим, на котором релевантными являются признаки просодические, с пока не раскрытой акустической характеристикой.

Касаясь пар дифференциальных признаков, перечисленных в работах Якобсона, Фанта, Халле и др., З. М. Мурьгина подчеркнула, что реальность этих признаков доказана акустическими, физиологическими и психологическими исследованиями. Фонологичность указанных признаков представлена определенной моделью, справедливостью которой подтверждена исследованиями детской речи, патологических расстройств речи и т. п.

И. А. З и м н я я (Москва) высказала ряд предложений в связи с обсуждением терминов для противопоставлений, выдвинутых Р. Якобсоном (типа *sharp/plain*). Она считает, что простой перевод этих

терминов недостаточен. Необходима исчерпывающая характеристика соответствующих противопоставлений с трех точек зрения: а) спектральной картины, б) артикуляционных движений и в) традиционных лингвистических противопоставлений.

П. С. Кузнецов отметил, что в докладах, прочитанных на симпозиуме лингвистами, отражались те положения, которые содержатся в трудах Якобсона, Халле, Фанта и др., но дальше этого докладчики не шли. Между тем, по мнению Кузнецова, большое число явлений, играющих реальную роль во многих языках мира, в терминах этой системы вообще не может быть изложено. Эти явления нуждаются в акустической характеристике. Кузнецов считает, что в некоторых лингвистических докладах не всегда проявлялось отчетливое понимание предмета, о котором идет речь. Так, в докладе Р. Г. Пиотровского не были разграничены различные системы (например, система французского литературного языка и его диалектов). С точки зрения Кузнецова, докладчики не всегда отдавали себе отчет в том, что спектральные характеристики имеют не фонемы, а их модификации.

Обзор современной литературы по спектральному анализу был сделан Л. П. Б л о х и н о й и З. М. М у р ы г и н о й, которые остановились на таких основных понятиях, как ф о р м а н т а (область в спектре, характеризующаяся наибольшим уровнем энергии), ф о р м а н т н ы й у р о в е н ь, ф о р м а н т н ы е п о л о с ы, ф о р м а н т н а я м о д е л ь, у р о в е н ь и н т е н с и в н о с т и, а также на методике спектрального анализа гласных и согласных с помощью аппарата *visible speech* («видимая речь»).

В сообщении, посвященном спектральному анализу звука слуховой системой, Л. А. Ч и с т о в и ч (Ленинград) поставила вопрос о том, что спектральный анализ лучше всего производить аппаратом, максимально приближающимся к тому типу анализаторов, каким является слуховая система человека. Улитка — это быстродействующий анализатор с малой разрешающей способностью, т. е. частотный анализ звука улиткой является весьма грубым. Вместе с тем большую роль играет характер изменения сигнала во времени. Докладчица привела ряд данных психоакустики, которые показывают большую чувствительность слуха к переходным процессам. Существенное значение имеет поставленный докладчицей вопрос о дальнейшей анализе информации, поступающей из улитки и нервных волокон, высшими отделами нервной системы. Слуховая система накапливает информацию, проводя определенное интегрирование по времени и частоте. Интересно, что время интегрирования в слуховой системе (100—150 мс) то же, что и в зрительной (ср. эффект кино). Докладчица приходит к выводу о наличии по крайней мере двух систем анализа звука: частотной и временной.

В докладе «К вопросу о методе структурного анализа речевых спектров» В. А. Артемов подчеркнул, что «спектральным инвариантом является структура формант, а не отдельные их значения». Докладчик настаивал на отличии спектрального анализа, направленного на удовлетворение практических нужд промышленности (он называет такой анализ «прагматическим»), от «структурного анализа речевых спектров, проводимого в языковедческих и психолингвистических целях» (такой анализ он называет «семантическим»). Именно к последнему направлению относятся работы по спектральному анализу в «семантическом плане», проводимые в ЛЭФПР. Для такого анализа, по мнению докладчика, наиболее подходящими из существующих аппаратов являются аппарат visible speech и спектрограф ЛЭФПР, которые позволяют точно описывать различные переходные процессы. К этой точке зрения присоединилась М. А. Нейланд (Рига), рассказавшая о спектральном анализе дифтонгов латышского языка сравнительно с английским. Инженер ЛЭФПР С. Я. Маслов доложил о быстродействующем анализаторе спектра речевых сигналов, сконструированном в этой лаборатории. И. А. Зимняя в своем сообщении сравнила результаты, полученные на аппарате ЛЭФПР и аппарате visible speech.

Л. Р. Зиндер (Ленинград) не согласился с мнением В. А. Артемова, что спектральный анализ, проводимый для лингвистических целей, должен отличаться от спектрального анализа, проводимого для технических целей. С точки зрения Зиндера, можно оспаривать необходимость такого анализа для лингвистов, но если такой анализ нужен, то он должен давать лингвистам такие же точные и ясные представления о спектре звуков речи, как и техникам. Спектр — объективная характеристика звука речи, которая не меняется в зависимости от целей исследования. Л. Р. Зиндер считает, что задача нахождения объективных критериев чтения спектрограмм остается пока не решенной (в частности, по мнению Л. Р. Зиндера, из доклада В. А. Артемова не стало ясно, по какому принципу ту или иную концентрацию энергии следует считать формантой). Эта задача не будет решена до тех пор, пока не будут поставлены надлежащим образом психоакустические исследования. Зиндер отметил, что и методика получения спектров звуков речи нуждается в дальнейшем совершенствовании.

А. А. Хачатрян зачитала доклад Г. А. Огапесяна (Ереван) «Анализ гласных армянского языка по методу, применяемому в Ереванском гос. ун-те»².

² Результаты этих работ опубликованы в «Научных трудах [Ереванск. гос. ун-та], т. 35. Серия физ.-мат. наук, вып. 2, 1952, «Изв. [АН Арм. ССР]», т. VIII. Биол. и с.-х. науки, № 11, 1955, и «Изв. [АН Арм. ССР]», Обществ. науки, № 12, 1956.

Симпозиум показал полезность совместного обсуждения фонетических проблем языковедами, физиками, физиологами и психологами

И. И. Резвин
(Москва)

7 декабря 1959 г. в Москве, в Институте славяноведения АН СССР состоялась научная сессия, посвященная 30-летию со дня смерти выдающегося русского и польского языковеда Ивана Александровича Бодуэна де Куртене. Сессию открыл зав. сектором языкознания Института славяноведения АН СССР доктор филол. наук С. Б. Бернштейн. В своем вступительном слове он указал на многогранную деятельность крупнейшего слависта-теоретика, замечательного деятеля высшей школы России и Польши, прогрессивного общественного деятеля своего времени И. А. Бодуэна де Куртене, с именем которого связана целая эпоха в истории языкознания. По ряду важнейших теоретических вопросов Бодуэн де Куртене занял свою, особую, позицию, критикуя младограмматическое направление часто с позиций языкознания XX в. Многие теории и идеи Бодуэна де Куртене сохраняют свое значение до сих пор и заслуживают пристального внимания и дальнейшей разработки нашими учеными. С. Б. Бернштейн говорил также о назревшей необходимости в квалифицированном издании избранных работ Бодуэна, в публикации его трудов, которые до сих пор хранятся в рукописях. По инициативе Н. И. Толстого Институт славяноведения АН СССР уже приступил к подготовке издания ценнейших словенских диалектологических материалов Бодуэна де Куртене.

С докладом об основных чертах лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртене выступил научн. сотр. Института языкознания АН СССР А. А. Леонтьев, который остановился на философской стороне научных взглядов Бодуэна и на толковании им наиболее общих языковедческих проблем. Докладчик возражал против неправильной оценки лингвистической концепции Бодуэна де Куртене как «субъективно-идеалистической», указав, что взгляды ученого на ряд проблем обусловлены его научно-материалистическими воззрениями. Что же касается методики лингвистического исследования, Бодуэн де Куртене не ограничивался применением одного какого-то метода, напротив, он считал, что в языкознании должны применяться различные методы исследования в зависимости от направления работы. В заключение А. А. Леонтьев отметил ряд задач, поставленных Бодуэном перед наукой о языке, которые остаются актуальными по сей день, как, например, применение в языкознании точных, математических методов, сближение языкознания с другими науками и т. д.

С докладом «Бодуэн де Куртене и развитие фонологии» выступил научн. сотр. Института славяноведения АН СССР, канд. филол. наук В. Н. Топоров. Доклад

чик указал на два пути, сыгравших особую роль при разработке Бодуэном де Куртене фонологической теории. Первый путь был связан с изучением живых языков и физиологии звуков: он привел Бодуэна к выводу, что есть звуковые особенности, позволяющие дифференцировать смысл высказывания, и есть такие, которые не влияют на смысл. Вторым путем был связан с требованиями сравнительно-исторических задач. В. Н. Топоров отметил, что с помощью новой теории Бодуэн де Куртене пытался решить ряд практических задач; это привело его к созданию строгой теории чередований, ставшей фундаментом морфонологии и открывшей новые возможности для исторического и сравнительного анализа. Генетическая связь трудов создателей фонологии с трудами Бодуэна де Куртене еще раз свидетельствует о ценности и актуальности того вклада, который внес большой ученый в развитие фонологии.

Ст. научн. сотр. Института точной механики и вычислительной техники АН СССР канд. филол. наук В. Я. В. Иванов выступил с докладом «Работы Бодуэна де Куртене в области типологии славянских языков», в котором говорилось об исследованиях Бодуэна, посвященных типологическому изучению славянских языков (типологический анализ фонологических систем славянского вокализма в связи с характером ударения). В докладе была показана пионерская роль Бодуэна де Куртене, положившего начало типологическим исследованиям в языкознании, и прослежено в основных чертах дальнейшее развитие структурно-типологического анализа в славянском языкознании. Докладчик подчеркнул необходимость типологических исследований в сочетании со статистическим обследованием.

В докладе научн. сотр. Института русского языка АН СССР канд. филол. наук В. П. Григорьева «И. А. Бодуэн де Куртене и интерлингвистика» говорилось о взглядах ученого на проблему создания международного искусственного языка. Докладчик остановился на материалах научного наследия Бодуэна де Куртене, находящихся на стыке общетеоретического и прикладного языкознания.

Последним был прочитан доклад научн. сотр. Института славяноведения АН СССР канд. филол. наук Н. И. Толстого «Работы Бодуэна де Куртене по словенскому языку». В докладе был охарактеризован огромный и ценнейший материал Бодуэна по словенской диалектологии, большая часть которого до сих пор остается неопубликованной. Придавая большое значение всестороннему изучению живых языков, Бодуэн де Куртене ставил перед собой задачу синхронного описания словенских говоров с целью проверки на нем общелингвистических положений. Признавая факты языкового родства в генетическом плане, Бодуэн де Куртене подчеркивал значение географического фактора, ведущего к взаимодействию языков разных семей и систем. Большой и надеж-

ный материал по словенской диалектологии, оставленный нам в наследство Бодуэном де Куртене, послужит для исследователей многих поколений.

Все доклады, прочитанные на сессии, будут опубликованы в отдельном сборнике, в котором будет также помещена полная библиография трудов И. А. Бодуэна де Куртене.

Р. Булатова
(Москва)

21 и 22 декабря 1959 г. в Софии состоялась юбилейная Научная сессия по языкознанию, литературоведению и этнографии, посвященная пятнадцатилетию со дня 9 сентября 1944 г.— Дня свободы. На сессии было представлено (на пленарном заседании и в языковедческой секции) шесть докладов по языкознанию.

Проф. Л. Андрейчин, директор Института болгарского языка БАН, в докладе «Болгарское языкознание после 9 сентября 1944 г.» кратко осветил развитие отечественного языковедения и дал критический анализ достижений болгарских языковедов после победы 9 сентября. Он отметил, что еще в первые послевоенные годы народная власть приняла все нужные меры для создания необходимой основы правильного развития языкознания. При БАН был создан Институт болгарского языка, в котором благодаря применению современных принципов коллективности и плановости в работе и щедрой поддержке необходимыми средствами со стороны государства в сравнительно короткие сроки проделана большая работа: завершен трехтомный словарь современного болгарского литературного языка и широко развернута работа по таким обширным проблемам, как составление диалектологического атласа, этимологического словаря, собрание и изучение болгарской топонимики; выполнена подготовительная работа по составлению многотомного толкового словаря, исторического словаря, диалектного словаря, нормативной грамматики, истории болгарского литературного языка и др. Докладчик остановился далее на ряде конкретных достижений болгарского языкознания в его различных областях за последние пятнадцать лет. В заключение доклада проф. Андрейчин отметил, что необходимо углубить работу по ряду теоретических и методологических вопросов языкознания и больше вопросов разрабатывать монографически; необходимо также обратить особое внимание на вопросы применения структуральных и математических методов к исследованию языка, в чем болгарское языкознание еще отстает.

Доклад на тему «Главные проблемы истории болгарского языка» сделал проф. К. Мирчев. Вначале докладчик указал на большую сложность проблематики изучения истории болгарского языка по сравнению с историей какого-либо другого славянского языка. Церковный и литературный язык на болгарской земле еще в IX в. сложился на основе одного из мест-

ных народных говоров. Хотя с течением времени между литературным и народным языком и устанавливаются немаловажные различия, средневековые болгарские книжники продолжали смотреть на старый болгарский книжный язык, в отличие от книжников тех славянских стран, в которых в качестве книжного языка был воспринят латинский, как на свое национальное достояние, как на язык чисто славянского характера, и стремились сохранить его по возможности в чистом виде. Вопреки всем этим трудностям, говорит докладчик, в последнее время болгарским языковедам удалось установить известное число важных черт разговорной речи, которые случайно проникали в среднеболгарские памятники в момент утомления переписчика или в результате его технической невнимательности. Проф. Мирчев говорит далее о настоятельной необходимости издания среднеболгарские памятники. Докладчик считает, что при переподписании истории болгарского языка хронологическая граница перехода от синтетизма к аналитизму должна быть отодвинута с конца XIV в., куда ее до сих пор относили, на одно или полтора столетия назад.

Доклад «Отражение новых явлений материальной и общественной жизни в болгарском словаре» сделал проф. П. Л е к о в. В связи с настоятельной необходимостью в среднем на первых порах по объему нормативном толковом словаре современного болгарского литературного языка, который бы в системе представлял современное словесное богатство, отражающее и изменения лексического наследства, докладчик считает весьма важным появление двух толковых словарей — одного (Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, И. Леков, Ст. Стойков и Цв. Тодоров, *Български тълковен речник*, София, 1955) и трехтомного [«Речник на съвременния български книжовен език», т. I—III, София, 1954—1959. под ред. Ст. Романского (гл. ред), Л. Андрейчина. Ст. Илчева, И. Лекова, К. Мирчева. Ст. Стойкова и Цв. Тодорова]. От более старых болгарских лексикографических трудов эти словари отличаются пониманием того, что словарь является системой (а не беспорядочным, мозаичным собранием) лексических единиц; для словарей характерен тщательно продуманный и проверенный хорошим языковым чутьем подбор слов, разграничение устойчивых и периферийных областей лексики, характеристика каждого слова со стороны фонетики, грамматики и стили, единство в способах подачи и толкования материала. После конкретного рассмотрения вопросов отражения новых явлений материальной и общественной действительности в болгарском словаре докладчик заметил, что сделанные замечания имеют целью положить начало сравнительному изучению словаря славянских языков с учетом сильного влияния на них русского языка и того противодействия, которое оказывают внутренние закономерности развития отдельного языка на вновь заимствуемое слово.

Доклад на тему «Современное состояние этимологических и ономастических исследований в Болгарии» сделал зам. председателя БАН акад. В. Г е о р г и е в. Акад. Георгиев говорит о начавшейся в 1957 г. работе по составлению нового этимологического словаря силами коллектива, в который входят В. Георгиев, И. Гылыбов, И. Запмов и Ст. Илчев. Докладчик приводит ряд примеров новых этимологий. Далее он делает обзор опубликованных за последние десять лет статей и отдельных заметок по вопросам болгарской этимологии. Одновременно акад. В. Георгиев отмечает, что в Болгарии работа в области этимологии существенно отстала. Во второй части доклада были рассмотрены вопросы болгарской ономастики. Докладчик подробно остановился на широко развнувшейся в этом направлении после 1945 г. работе в Институте болгарского языка по собиранию и исследованию (на основе специальной программы) местных названий. Уже опубликованы исследования П. Дуриданова о Ломской и Первомайской и И. Заимова о Пирдопской околиях и готовятся к печати работы еще о семи околиях. Собран материал по другим 24 околиям; можно полагать, что по остальным 84 околиям материал будет собран, разработан и опубликован в течение ближайших 15—20 лет. В области антропонимии, отметил докладчик, работа находится в мало удовлетворительном состоянии.

Проф. Ст. С т о й к о в сделал доклад «Достижения и задачи болгарской диалектологии». Он указал, что перед болгарскими диалектологами стоят две основные задачи: составление болгарского диалектологического (лингвистического) атласа и словаря болгарских диалектов. Выполнение этих двух задач уже началось. Потребность в атласе народных говоров осознана давно, но к его осуществлению, говорит проф. Стойков, оказалось возможным приступить только в последнее время, в условиях народной власти, при братской помощи советских диалектологов-болгаристов. В 1955 г. Институт болгарского языка БАН и Институт славяноведения АН СССР приняли решение о совместной работе по составлению болгарского диалектологического атласа по специально для этой цели составленной проф. Ст. Стойковым программе, обсужденной в Софии и в Москве. К настоящему времени проведено четыре совместных болгарско-советских экспедиции, завершено собирание материала для первого тома (юго-восточная Болгария) и уже начато его картографирование в Софии и в Москве. В настоящее время ведется напряженная работа по составлению диалектного словаря. Создана обширная картотека, включающая около 150 тыс. карточек. Докладчик поясняет, что болгарский диалектный словарь будет дифференциальным и что в него будут включены только те слова, которые по своему значению или по своей форме не принадлежат к общенародной болгарской лексике и литературному языку не свойственны. Докладчик отмечает заметный рост в мо-

нографическом изучении отдельных говоров — территориальных и социальных, о чем свидетельствует ряд новых исследований.

В своем докладе «Достижения и задачи отечественного западного языкознания» доц. И. Ванков последовательно останавливается на романо-болгарских, германо-болгарских и славяно-романских языковых отношениях, на грамматических, лингво-стилистических и этимологических исследованиях, осуществленных болгарскими романистами и германистами за последние 15 лет. Докладчик говорит не только о достижениях, он указывает и на ряд нерешенных задач, намечая возможные пути работы. Тот факт, что западное языкознание в Болгарии мало продвинулось по сравнению с болгарским и славянским языкознанием, докладчик объясняет тем, что в распоряжении исследователей имеется лишь весьма незначительное количество легкодоступных материалов и документов. Кроме того, при недостаточных возможностях получения необходимых библиографических сведений исследователь рискует заняться темами уже изученными и притом при более благоприятных условиях для работы. Доц. Ванков рекомендует разрабатывать прежде всего вопросы романо-болгарских (романо-балканских) и германо-болгарских языковых связей и отношений в синхроническом и диахроническом аспектах. Сопоставительные исследования западных языков, с одной стороны, и болгарского — с другой, в области фонетики, морфологии и синтаксиса также обеспечивают самостоятельную научную ценность исследований.

Научное сообщение об изучении русского языка в Софийском государственном университете и достижениях русистики за годы народной власти сделал преподаватель филологического факультета Софийского государственного университета К. Б а б о в.

И. Пашов
(София)

Перевод с болгарского

С 21 по 24 декабря 1959 г. в Львовском гос. ун-те им. Ив. Франко проходила Вторая славистическая конференция, созванная по решению Украинского комитета славистов. В работе конференции приняли участие представители АН УССР, университетов и педагогических институтов Украины.

Конференция была открыта вступительным словом ректора Львовского ун-та члена-корр. АН УССР проф. Е. Р. Л а з а р е н к о. В тот же день были заслушаны 2 доклада: 1) «О разветвлении славистических исследований в связи с подготовкой к V Международному съезду славистов» члена-корр. АН УССР Е. П. К и р и л ю к а (Киев) и 2) «Спорные вопросы изучения стиля художественных произведений славянских литератур» проф. А. В. Ч л е р и н а (Львов).

22 и 23 декабря состоялись секционные заседания. На заседаниях языковедческой секции (руководитель проф. Е. В. Кроте-

вич) было заслушано 15 докладов и сообщений, посвященных в основном восточно- и западнославянским языковым связям.

Некоторые новые теоретические положения были даны в докладе доц. И. П. К о в а л и к а (Львов) на тему «Словообразовательная омонимия и синонимия в именных существительных восточнославянских языках». Ковалик различает три вида омонимии и синонимии: лексическую, грамматическую и словообразовательную. Основной выявляющей омонимичности данной суффиксы является словообразовательно-разрядное функционирование подчиненных ей суффиксов-омонимов. Словообразовательная (суффиксальная) синонимия выступает в рядах слов как с одинаковыми, так и с разными словообразовательными основами, но при обязательной однородности суффиксов.

Исследование славянского сравнительного синтаксиса был посвящен доклад проф. Е. В. К р о т е в и ч а (Львов) на тему «К вопросу о связи слов в славянских языках». Предложив дифференцированное изучение вопроса о связях слов с учетом всех особенностей таких образований, как словосочетание и предложение, докладчик указал, что к основным видам синтаксических отношений, какие устанавливаются между членами словосочетания и предложения, следует отнести: атрибутивные, объектные, циркумстантивные и аппозитивные. Другие же средства для выражения синтаксических отношений (грамматические формы слов, служебные слова, порядок слов, интонация) между членами словосочетания (а не предложения!) первостепенного значения не имеют. Предикативные и полупредикативные отношения выступают только в предложении.

Проблему изучения еще не исследованных вопросов о лексических взаимосвязях древнерусского языка эпохи Киевской Руси и польского языка поставил в своем докладе «О южнорусские и польские лексические взаимосвязи в XIII ст.» А. П. Г е н с и о р с к и й (Львов). На основании анализа текстов Галичско-Вольнской летописи докладчик пришел к выводам о древности взаимозаимствований в области общественной, торговой и военно-экономической лексики, подчеркивая высокую для этого времени ступень развития древнерусского литературного языка.

В докладе на тему «Словацко-украинские языковые отношения» доц. М. П. О н и ш к е в и ч (Львов), используя материал своего рукописного словаря бойковского диалекта, выделил ряд характерных общих словацко-украинских языковых черт.

Разысканиям в области морфологии посвятил свой доклад на тему «Именительный-винительный единственного числа имен существительных среднего рода *-iŷo*-основ в украинском и словацком языках» доц. Н. А. П у ш к а р (Львов). Опираясь на сравнительный материал, Н. А. П у ш к а р пришел к выводу, что в украинском языке существительные *-iŷo*-основ ср. рода (тип *знання, збіжжя* и под.) выступают в большинстве диалектов (в том числе за-

карпатских) и в литературном языке; в словацком языке слова такого типа выступают в среднесловацком диалекте, где их появление автор приписывает фонематическому характеру гласного *-e* (*-a*) при второстепенной роли других моментов (синтаксических, действия ритмического закона, аналогии).

Доклад «О причинах изменения в строе, составе и употреблении безличных местоимений в истории восточнославянских языков» был представлен доц. С. П. Самойленко (Запорожье).

Ст. преподаватель В. П. Токар (Днепропетровск) сделал доклад на тему «История восточнославянских имен существительных женского рода, образуемых с помощью суффикса *-k/-a* от основ имен числительных», указав на утрату продуктивности более древнего суффикса *-ица* в пользу суффикса *-k/-a*.

Были заслушаны также сообщения по отдельным малоисследованным проблемам: «Заемствованные слова, их оформление и склонение в сербском языке» доц. З. Г. Розовой (Львов), «К истории формирования системы лужицкого именного склонения» и. о. доц. К. К. Трофимовича (Львов), «К истории функции дательного падежа в восточнославянских языках» канд. филол. наук Я. А. Спринчака (Днепропетровск), «Роль поэтического стиля в развитии языка украинской советской художественной литературы» канд. филол. наук З. Г. Франко (Киев), «Субстантивированные прилагательные в обозначениях лиц в славянских языках» Д. Г. Гринчишина (Львов), «К вопросу истории названия *русь*» доц. В. В. Кобылянского (Львов), «Наблюдения над лексическими полонизмами в украинском актовом языке XV — начала XVII ст.» М. Л. Худаша (Львов).

Вопросы, которые ставили перед собой докладчики, живая дискуссия при обсуждении докладов показали возросший интерес со стороны широкой научной общественности республики к решению ряда проблем в области славистики, поставленных IV Международным съездом славистов в Москве. Все это несомненно является положительным моментом в стадии подготовки советских славистов к предстоящему в 1963 г. V Международному съезду славистов.

Материалы конференции будут изданы отдельным сборником.

В. Андел
(Львов)

Со 2 по 6 февраля 1960 г. в Ленинграде состоялась научная конференция кафедр русского языка пединститутов северного зонального объединения. На заседаниях было заслушано и подвергнуто обсуждению 15 докладов по вопросам русского языка и методики его преподавания. Конференция открылась докладом проф. Н. П. Гриковой «Задачи зонального объединения пединститутов».

Тематика лингвистических докладов группировалась по двум направлениям:

синтаксис сложного предложения и язык писателя. В ряде докладов были поставлены общие спорные вопросы синтаксиса. Оживленное обсуждение вызвал доклад проф. А. Г. Руднева (Ленинград) «Проблема бессоюзных сложных предложений в русском языке», автор которого, подкрепившая традиционную точку зрения, отрицал возможность выделения бессоюзных сложных предложений в особый тип. Доклад В. И. Кудюкова (Ленинград) был посвящен проблеме разграничения возможных аспектов изучения различных типов сложного предложения. Доц. С. Г. Ильенко (Ленинград) в докладе «Сложноподчиненное предложение с придаточным сравнения» и доц. А. Н. Суворовцев (Ленинград) в докладе «Сложноподчиненная конструкция с составными союзами» по-новому поставили конкретные вопросы толкования сложноподчиненных предложений указанных видов. Особенно дискуссионным оказался вопрос о правомерности выделения сравнительных оборотов из системы придаточных предложений.

В области изучения языка писателя преобладающими на конференции были вопросы о принципах отбора писателем определенного слоя лексики. Таковы доклады доц. В. В. Степановой (Ленинград) «Словарь как средство создания колорита эпохи (по роману А. Н. Толстого „Петр I“)» и проф. Н. А. Мещерского (Петрозаводск) «Иноязычная лексика в произведениях В. В. Маяковского». В докладе асп. Л. И. Донецких (Ленинград) «Относительные прилагательные с качественным значением в романах К. Федина „Первые радости“ и „Необыкновенное лето“» был поставлен вопрос об использовании писателем определенной семантико-грамматической категории в художественно-образительных целях. Одной из особенностей литературного языка XVIII в. был посвящен доклад ас. Р. Д. Лебедевой (Киров) «Типы периодов в „Истории Государства Российского“ Карамзина».

В дополнение к общей тематике конференции были представлены доклады проф. А. П. Егеньевой (Ленинград) «Тематические словари и их задачи» и доц. С. А. Фесалоницкого (Владимир) «Лексико-грамматические связи отдельного слова».

При заслушивании и обсуждении методических докладов выявилась большая экспериментальная работа, которая ведется в отдельных вузах в области методики преподавания русского языка. Представители различных вузов провели взаимную информацию о характере своей научно-исследовательской работы.

Участники конференции одобрили введенную Министерством просвещения практику зональных объединений и высказали свои пожелания в отношении будущих заседаний.

В. Л. Георгиева
(Ленинград)